Бронечка из «Черной книги», или как солдат вермахта еврейку спас

Броня Тартаковская с сыном Леонидом на руках, 1939

Совсем недавно мир вспоминал о 80-летии трагедии Бабьего Яра. Но то, что произошло в Киеве 29 сентября 1941-го, повторилось через две-три недели в других городах Украины. Так, 13-15 октября в овраге на территории Ботанического сада Днепропетровска (ныне — Днепр) было расстреляно 10-12 тысяч евреев. Единицам удалось пережить эту бойню.

В Архиве Научно-просветительного Центра «Холокост» в Москве сохранилось письмо, написанное Ильей Эренбургом Брониславе Куниченко 30 июля 1944 года, где писатель обещает включить ее историю спасения в «Черную книгу», над которой он тогда работал.

Броня Куниченко (Тартаковская) и ее сын Леонид — люди трагической и вместе с тем удивительной судьбы. Память Брони зафиксировала картины детства и юности в родном Никополе. Словно кинолента — спасение от погромов банд махновцев и григорьевцев на руках у отца, повальный сыпняк, Торгсин и НЭП, помощь «Джойнта» голодавшим в первые годы после Гражданской войны евреям. Еще помнила Броня, как в доме родителей отмечали еврейские праздники. В Песах была маца, а в канун Судного дня отец крутил над головой петуха. Была и учеба в еврейской школе, на идише. На нем говорили и дома.

Девочка увлекалась танцами, помнит — в шесть лет впервые исполнила танец «Плач Израиля», воздев руки к небу. Нечто подобное произошло с ней спустя много лет, у кромки расстрельного обрыва… Броня любила подвижные игры, переплывала Днепр. Может, эта «закваска» и помогла ей не только пережить нечеловеческие испытания, но дожить до глубокой старости? Тартаковская дружила с дочерью Утесова Дитой (Эдит) и в честь Утесова назвала своего первенца Ледей — Леонидом.

Здание горсовета Никополя, 1934

После школы — работа в редакции местной газеты секретарем, учеба на рабфаке. Брат Александр и сестра Полина к тому времени уже жили в Днепропетровске, Броня осталась в Никополе. Вышла замуж за украинца, демобилизованного военного из Сум Сергея Куниченко. Семья мужа невестку не приняла: «Нам с ней не жить…». Судьба же распорядилась иначе. В 1941-м, преодолев 600 километров, Броня с детьми придет в Сумы, к родным мужа, где и дождется Красной армии.

В 1936 году родился Леонид, затем, в 1939-м, Волик (Валерий). Война застала Броню в Днепропетровской области. Мужа, уже успевшего получить обморожение «на той войне незнаменитой», то есть, с Финляндией, мобилизовали, направили сдерживать наступавших немцев. Броня с мальчиками и родителями, вместе со старшей сестрой Полиной и ее дочерью Неллочкой, должны были эвакуироваться, но их эшелон разбомбили немцы.

25 августа 1941 года Днепропетровск был оккупирован нацистами. Следуя приказу, Броня пошила нарукавные белые повязки со Звездой Давида для взрослых членов семьи. Евреев изгоняли из очередей за водой. Однако, хорошо говорившая по-украински и не похожая на еврейку Броня набрасывала на шею длинный шерстяной платок и, скрыв повязку, носила воду и добывала еду. Ей даже удалось совершить полный опасности поход в Верхнеднепровск, где в здании школы среди пленных находился ее раненый осколками снаряда муж. Немцы едва не расстреляли его прямо в поле, спасло знание немецкого. Мужу удалось не только освободиться, но и раздобыть в комендатуре бумагу на немецком языке для жены и детей, и все вместе они отправились назад, в Днепропетровск.

Леонид и Валерий, 1941

О том, что было потом, рассказано в «Черной книге» на основе письма Тартаковской, адресованного члену ЕАК Илье Эренбургу.

«Всем евреям приказали собраться у магазина «Люкс», якобы для организации гетто. Здесь нас построили в колонну и куда-то повели. Когда прошли еврейское кладбище и вышли на пустырь у железной дороги, впереди послышались выстрелы. Тогда мы все поняли… Но на этот раз очередь до нас не дошла, поскольку на дворе стало темнеть. Толпу в несколько тысяч человек согнали к какому-то забору и оцепили со всех сторон…» В их числе были родители Брони, ее сестра Полина с маленькой Неллочкой, двоюродный брат матери Давид.

Маленький Леня запомнил, что членам смешанных семей и доброжелательным соседям было разрешено сопровождать колонну по тротуару: «Вдоль левого тротуара шел дядя Давид с Неллочкой на руках. По тротуару шла тетя Аня (русская) — жена дяди Давида. Неллочка захотела пить. Тетя Аня зашла в один из домов и принесла в стакане воду. Полицай, стоявший рядом, выбил стакан, не дав напиться ребенку».

Когда колонна миновала кладбище и повернула влево, немцы стали подгонять людей собаками, а полицаи палками. До наступления темноты в первый день немцы не успели всех расстрелять. Оставшихся в живых конвой оттеснил к водонапорной башне. Леонид помнит, что было холодно, он стоял в примерзавшей к ногам грязи. Хотелось есть. Ему «повезло» — рядом лицом в грязь упал человек. «Дедушка Яша вынул меня из ледяного месива и посадил на спину трупа, где я и просидел ночь с 13-го на 14-е октября, до команды идти ко рву». «Когда рассвело, на пустыре появились немецкие солдаты с патронными ящиками, продолжает Леонид. — Потом нас стали гнать к ямам в конце пустыря, послышались крики, выстрелы». По дороге в ров, Броня просила прощения у родителей, на что отец успел возразить: «Нет, Бронечка, ты останешься в живых и будешь молиться за нас». Полина успела напомнить, что в кладовке квартиры есть тайник, там остались кое-какие вещи, они могут пригодиться. «Я упала на колени и обняла своих детей, и в этот момент подошел какой-то человек и сказал, что выведет меня с детьми из толпы, — говорится далее в «Черной книге». — Вскоре мы уже оказались с ним на кладбище у дороги».

Днепропетровск в годы немецкой оккупации

Леонид вспоминает, что «какой-то человек» был высоким немцем в военной форме. «Бабушка Соня кричала: «Б-г спасает мою дочь! Пусть хоть она спасется и расскажет, как мы погибали!». Когда мы уходили, бабушка кричала: «Броня! Чтобы ты за нас молилась!». А мамина сестра Поля кричала жутким, предсмертным, незабываемым криком: «Бронечка! Возьми Неллочку!» и отталкивала от себя к нам ребенка».

Через много лет в своей книге «Люди. Годы. Жизнь» Илья Эренбург, напишет: «Мне известен случай, когда немецкий солдат спас женщину с детьми. Это было в Днепропетровске в 1941 году; обреченные ждали, когда их погонят ко рву. Тогда к Броне Тартаковской подошел солдат и тихонько сказал: «Я вас сейчас отсюда выведу». И добавил: «Кто знает, что еще случится с нами».

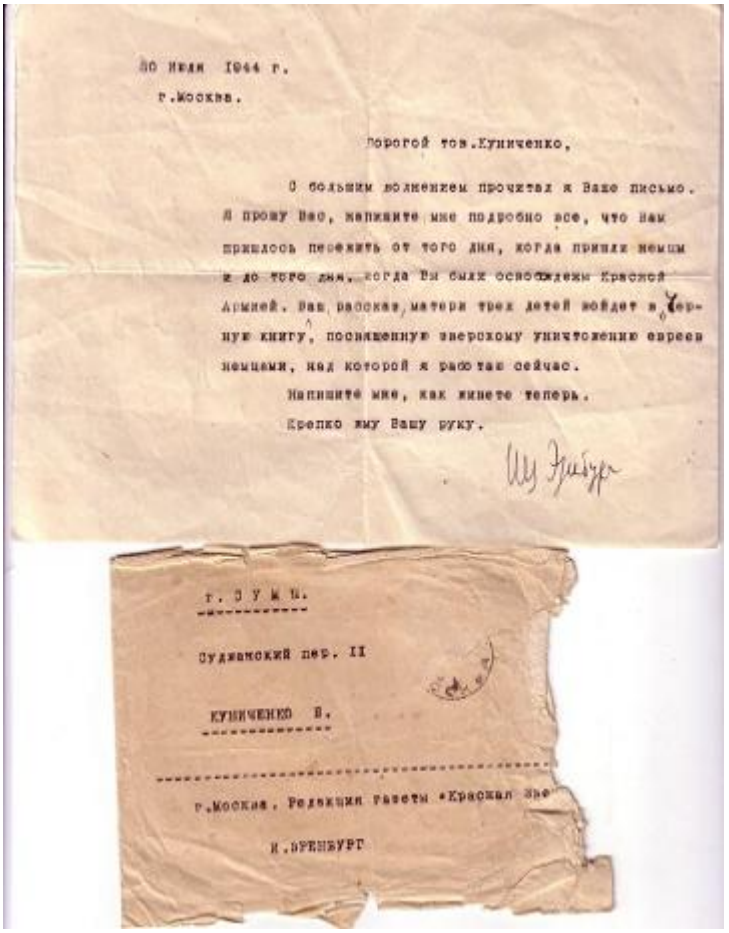
Ей удалось добраться до дому. 15 октября 1941 года муж заполучил в обмен на сапоги справку с треугольной печатью управдома. Теперь его жена и дети — украинцы. Так еврейка Броня Тартаковская стала Лидией Яковлевной Куниченко. В тот же день семья покинула Днепропетровск.

Путь пешком до города Сумы, к родным мужа, занял полтора месяца. Более 600 километров. Несмотря на выправленные документы на имя Лидии Куниченко, урожденную Глущенко, женщину вызывали в полицию — ходили слухи, что Куниченко скрывают «жидовку». Спасло самообладание. Из города пришлось уходить, скитаться по селам.

Так она попала в Марковку, где 9 июля 1943 года появился на свет третий сын, Саша (ныне — заслуженный тренер, мастер спорта по настольному теннису). К счастью, свет не без добрых людей — помог местный хирург. Кроме него, никто не знал, что Броня — еврейка. Леонид вспоминал, что выжили они в те страшные месяцы с младшим братом просто чудом, «жили в хлеву, отогревал нас пар от теплого дыхания коровы и теленка».

Броня Тартаковская, 1947

30 июля 1944 г.
г.Москва.

Дорогой тов.Куниченко,

С большим волнением прочитал я Ваше письмо. Я прошу Вас, напишите мне подробно все, что вам пришлось пережить от того дня, когда пришли немцы и до того дня, когда Вы были освобождены Красной Армией. Ваш рассказ, матери трех детей войдет в черную книгу, посвященную зверскому уничтожению евреев немцами, над которой я работаю сейчас.

Напишите мне, как живете теперь.

Крепко жму Вашу руку.

И.Эренбург

г. С У М Ы.

Судмакский пер. II

КУНИЧЕНКО В.

г.Москва. Редакция газеты «Красная зве

И.ЭРЕНБУРГ

Письмо Эренбурга от 30 июля 1944 года на имя Куниченко

Теплой осенью 1943 года Броня поняла — немцы уходят. Но опасность погибнуть была до последнего дня. После освобождения мужа Брони сразу забрали в армию, а сама она, вернувшись в Сумы, пошла работать в военный госпиталь. «Мне 27 лет, но я совсем старуха, — писала она Илье Эренбургу, узнав о том, что тот собирает свидетельства уцелевших от массового уничтожения евреев».

Один из уроков, преподанных нам Броней Тартаковской — это урок еврейской самоидентификации. Несмотря на многочисленные советы оставаться украинкой Лидией Куниченко, она получила восстановленное свидетельство о рождении и другие документы, где в графе «национальность» значилось «еврейка». Просто не могла себе представить, что может быть иначе.

Долгие годы проработала в родном Никополе. Выросли трое сыновей. Дождалась и внуков. Потеряла сына Валерия, которого во время расстрела держала на руках...

В 1991 года Броня уехала в Израиль, спустившись с трапа самолета, не сдерживая нахлынувших чувств, поцеловала землю. А в Стену Плача вложила записку «Живи, Израиль!». 15 октября 1996 года, в свой день рождения, Броня поделилась воспоминаниями, ответив на вопросы интервьюера Фонда Спилберга.

Броня с сыном Леонидом, в руках котрого портрет погибшей бабушки Сони. В руках у Брони - фото покойного сына (Валерия),

2007. Фото Григория Рейхмана

Сын Леонид в 2006 году рассказал в интервью «Яд Вашем» не только о пережитом в годы Холокоста, но и о своей послевоенной судьбе. Некоторое время он возглавлял местное отделение бывших узников концлагерей и гетто. В 2011 подлинник письма И. Г. Эренбурга из домашнего архива Б. и Л. Куниченко был передан в НПЦ «Холокост».

Всего полтора месяца не дожила Броня до своего 98-летия, скончавшись в августе 2012 года в Араде. На этом можно было бы поставить точку, но... В октябре 2012 года Леонид Тартаковский-Куниченко в сопровождении одного из авторов этой статьи посетил Днепропетровск (Днепр) по приглашению Центра «Ткума» и директора музея «Память еврейского народа и Холокост в Украине» д-ра Игоря Щупака.

Григорий Рейхман (Израиль), Леонид Терушкин (Россия)

Иллюстрации предоставлены Архивом НПЦ «Холокост» (Москва), Григорием Рейхманом из личного фотоархива, а также пресс-службой «Яд Вашем» и Всеизраильским объединением выходцев из Украины